

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОСТОТА

И. РАЕВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Повесть классика башкирской литературы Мажита Гафури «Черноликие» привлекает прежде всего своей удивительной простотой. О страшных делах, о трагических, душераздирающих злоключениях героев рассказывает мальчик-подросток. Простодушная, детская интонация, ясность изложения придают повествованию особую силу.

Эту простоту бережно сохранил Башкирский академический театр драмы, перенесший на сцену события «Черноликих». Режиссерами В. Галимова и Р. Файзи в самых напряженных моментах спектакля не изменяет благороднаядержанность; они сумели предсторечь исполнителей и от соблазнов мелодраматического решения.

Эту черту постановки потому хочется отметить особо, что не так давно критик Ю. Грачевский на страницах мартовского номера журнала «Театр» обвинял артистов в приверженности к дешевой красотости, к слезливой мелодраме, к позерству.

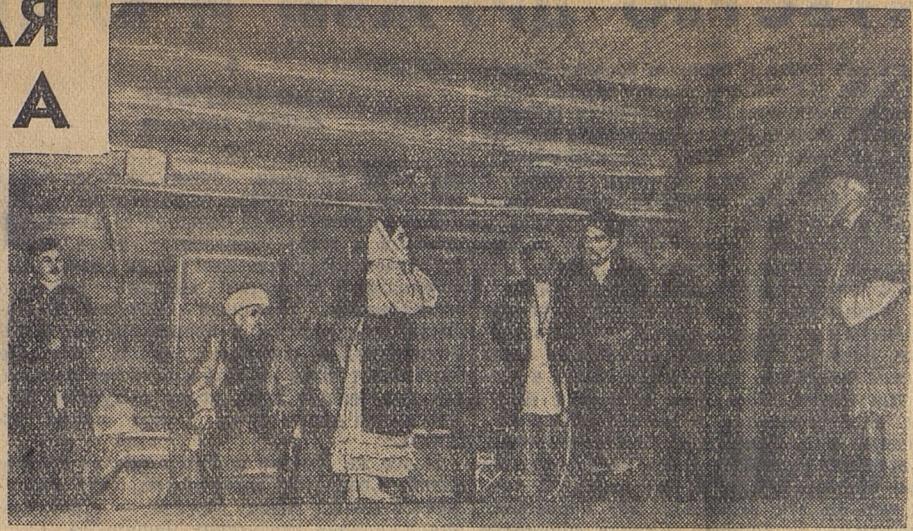
Трудно сейчас решить, театр ли коренным образом «отредактировал» перед декадой свой спектакль или критик не сумел верно разобраться в увиденном, — во всяком случае, упреки Ю. Грачевского решительно не подходят к постановке, которая была показана москвичам в дни декады. Высокая простота «Черноликих», бесспорно, сохранена на сцене.

Сберег театр и другое примечательное свойство повести Гафури: ее внутреннюю оптимистичность. Если в первом действии перед нами развертываются картины народного веселья, игр и плясок молодежи, то эта «заставка» нужна постановщикам не ради того, чтобы по контрасту оттенить трагизм последующих событий. Ее смысл в другом: в утверждении естественного стремления человека к счастью, к радости, в утверждении неизменно присущих народу бодрости и жизнелюбия.

Несчастливо складываются судьбы героев. Клевета и изувечество сводят в могилу крестьянскую девушку, красавицу Галиму. Нет счастья и бедняку Закиру — байский сынок Гайфулла жестоко отплатил ему за попытку выйти из-под его власти, за первые проблески протesta. Опозоренный, искалеченный, расстается Закир с родной землей, теряет любимую. Тяжелое горе тяготеет над домом старого Фахри...

Надо сказать, что трагизм ситуации и сила страданий героев раскрыты в спектакле неприглушенno, смело. И все же «Черноликие» в Башкирском театре не оставляют в душе ощущения подавленности, угнетенности. Напротив! Уносящие после спектакля впечатление внутренней несломленности героев, растущего социального возмущения. Секрет этого, очевидно, в том, что режиссера решает спектакль, как народную драму, сумев раскрыть судьбу отдельных героев в неразрывной общности с судьбой народа. А в народе никогда не иссякнет животворная сила, никогда не оскудеет его разум, всегда останется чутким и добрым его сердце.

В спектакле «Черноликие» в центре оказывается не тема «власти тьмы», а тема внутреннего сопротивления этой власти. Как ни темны, ни забыты крестьяне, как ни власть закон шариата, как ни привыкли они повиноваться речениям муллы и приказам старости, в народе пробивается дух протesta. Он одушевляет и горячего, несдержанного юношу Закира (Х. Кудашев), и добросердечного, скромного Гимади (А. Зубанов), и сурового, видно, пережившего многое старика Шайхуллу (З. Игдаев). Мы видим, что произвол баев и муллы рож-

На снимке: сцена из второго акта драмы Г. Амири и В. Галимова «Черноликие».

дает в народе смутное, нарастающее негодование, и если вековой авторитет шариата еще не поколеблен сегодня, то завтра он непременно пошатнется.

Укрепив и развив положительное, протестующее начало произведения, театр в то же время усилил и его обличительный пафос. Сцены в медресе, куда на суд муллы приводят влюбленных, как и сцена чудовищного «лечения» больной Галимы, решены в спектакле остро и сильно. Отличное знание быта, умение передать живую достоверность всего происходящего придают названным эпизодам особую доходчивость.

Мастера башкирского театра идут на рискованное, но здесь правомерное сочетание сатирических и трагедийных элементов; мучители Галимы одновременно смешны и страшны, когда они молитвами «с дутьем» пытаются излечить ими же загубленную девушку, когда они, продолжая бормотать слова корана, уголком глаза косятся: сколько денег вытаскивают из тощего кошелька,

собираясь расплатиться с ними, отец больной — Фахри. В этой сцене хочется отметить Х. Бухарского (муллы) и Р. Файзи (муэдзина), ярко и достоверно раскрывающих ханжество и лицемерие своих героев. Комична старуха Гильми (Г. Мансурова) — деревенская ворожея и сплетница, принимающая участие и в трапезе Галимы и в ее «лечении». Яркое комедийное дарование Г. Тукаева раскрывается в работе над образом дурашливого Кази. Мы получили еще одну возможность убедиться, какой это блестящий, разнообразный актер. Уже в первом декадном спектакле «Дядя Ваня», где Тукаев исполнял роль Вафли, зритель хорошо принял его тонкий юмор и мягкость найденных им тонов. Тукаев — яркий характерный актер, который умеет раскрыть образ, исходя из его внутренней сущности, придавая каждому воссозданному им сценическому персонажу только ему присущие черты.

Вообще нужно сказать: «Черноликие» дают актерам очень интересный материал для работы — трудный, но интересный. Следует особо сказать о Т. Бикташевой — исполнительнице роли Галимы. У нее подлинная простота, искренность, органичность. Она живет на сцене всей полнотой жизни. Хотя текст ее роли очень лаконичен и почти все время Галима — Бикташева молчит, зритель неизменно чувствует, что у нее на уме и на сердце. Молча стоит она перед судом, потрясенная, измученная стыдом, переполненная страстью желания оправдаться, снять с себя и с любимого ложное обвинение. Почти ни слова не произносит она и тогда, когда ее, вымазанную сажей, ведут на позор, осыпая руганью и плавками. Немногословна она и в сцене в доме Гимади, где она, отвергнутая отцом, находит при-

ют и ласку. Только в песне раскрываются переживания несчастной девушки. И поет Галима — Бикташева так, что ощущаешь тончайшие движения ее души, всю глубину ее чувств. Даже в сценах безумия артистке не изменяет простота — Бикташева отлично справляется с труднейшей финальной картиной. Лишь в одной сцене (концовка 5-й картины) Бикташева не нашла внутреннего оправдания: возвращение Галимы домой решено несколько внешне.

Интересно играет Г. Карамышев роль отца Галимы — Фахри. После меткой сатирической зарисовки, которую показал нам артист, играя жулика Котлыева в «Одиноком березе», он познакомил нас в «Черноликих» с подлинно драматическим образом. Мы видим, как медленно отступается его Фахри от веяний вбитой покорности шариату, как медленно пробуждается в нем человечность. И его проклятья муллам и баям, раздающиеся над труппом дочери, звучат с глубокой, выстраданной силой и убежденностью.

А. Зубанов (Гимади) и Б. Юсупова (его жена) с большой теплотой исполняют роли людей из народа — простых крестьян, которые бескорыстно приходят на помощь чужому горю. Сколько любви чувствуется в каждом их слове, обращенном к Галиме, которой они дали приют, сколько душевых сил отдают они, чтобы спасти девушку! С признательностью вспоминает зритель об искусстве этих актеров.

Р. Саубанова, играя мальчика Сагита, сумела передать то обаяние, которым этот образ наделен в повести. Она чутко воспринимает и остро оценивает все события. В душе ее Сагита, ставшего свидетелем гибели сестры, нарастает то же чувство смутного внутреннего возмущения, которым определен весь строй спектакля. И одновременно в этом образе подростка радиует внутренняя ясность, нравственное здоровье, которые подкрепляют общую оптимистическую направленность народной драмы.

Целостность сценического решения — несомненное достоинство талантливого и своеобразного спектакля башкирского театра. Пусть не все в нем совершенны. На наш взгляд, требует доработки начальная сцена: сейчас характеристики ее участников несколько стерты, масса кажется безликой. В сцене наказания «черноликих» хотелось бы видеть у участников народной сцены более острую оценку происходящего. Не хватает плавности в переходах от сцены к сцене: каждый эпизод играется отдельно. Но не в этих отдельных недоработках главное. Главное в том, что все здесь подчинено единому замыслу: перед нами действительно подлинная народная драма, с присущей ей широтой охвата событий, с глубиной обобщений, с поэтической простотой.

Сов. культура. 27. 1955.